

УДК 323.14

ПРИЧИНЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В РЕГИОНАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Швец А. Б., Кишкун В. Ю.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: fusion10@mail.ru*

В статье изложены результаты пространственного изучения рисков политизации межэтнических контактов в российских регионах. Анализируется влияние миграционных процессов на появление феномена этнических криминальных группировок и столкновений между ними и аналогичными местными группами. Выявлены центры возможной дестабилизации межэтнических контактов в Российской Федерации и Республике Крым. Уточнены причины возникновения этнополитических рисков и их региональные трансформации.

Ключевые слова: межэтническая напряженность, социокультурный конфликт, этнические миграции.

ВВЕДЕНИЕ

Информационное общество, цивилизационные особенности которого проанализированы Багровым Н. В. в монографии «География в информационном мире», характеризуется превращением географической науки в своеобразную «инженерию пространства» [1]. Под инженерией пространства Багров Н. В. понимал такое использование географического подхода к реальным проблемам территориального развития, которое позволяло бы конструировать оптимальные модели для жизни социума. Оптимальность социальных моделей определялась, по мнению Багрова Н. В., умением географов дать ответы на два ключевых вопроса: какие процессы трансформируются в обществе под влиянием информационной революции и какие рекомендации по управлению этими процессами могут предоставить обществу специалисты-географы. В появлении подобных ответов на вызовы информационной цивилизации Багров Н. В. надеялся изменить общественное отношение к научно-географическому способу познания мира как авангардному, а не забытому и превращенному в справочную науку для тех, кто собрался попутешествовать. «Ведь сейчас уже наступило время, когда без географического каркаса пространства невозможно понять суть многих трансформационных процессов. ... реальных и виртуальных, ... текущие риски природного, техногенного и человеческого происхождения» [2, с. 4].

Среди трансформационных процессов информационного общества вниманием географов не могут быть обойдены процессы этнической мобилизации, возникающие в полиэтнических сообществах всего мира под влиянием фактора социокультурной конфликтности. Эти процессы дестабилизируют региональное развитие стран и регионов, создают разнообразные ситуации межэтнической напряженности (напряженности в сфере межэтнических отношений) и формируют риск возникновения социального хаоса с трудно прогнозируемыми последствиями.

Социокультурная конфликтность – это специфическое состояние общества, переживающего этап неустойчивого развития. Такая разновидность конфликтности

чаще всего проявлена в полиэтнических регионах. Здесь эмоционально сильнее воспринимается любое противоречие, связанное с мобилизацией различий между религиозными или этническими группами, исповедующими несовместимые ценности, затрагивающими глубинный комплекс их идентичности и связанного с ней уклада жизни. Следовательно, сущность социокультурной конфликтности можно определить как результат трансформации ценностных противоречий, возникающих в процессе межэтнических контактов, в межэтнический или межконфессиональный конфликт.

Вопрос межэтнической напряженности был географически актуален для России в разные периоды ее исторического развития. Обширность территории и разнообразие этносов, проживающих в условиях уникальных культурных ценностей и жизненных укладов, создают основу для появления территориальной дифференциации причин межэтнической напряженности. С новой силой эта проблема дала о себе знать с развалом Советского Союза, который положил начало не только национальному возрождению и суверенизации народов бывших союзных республик, но и появлению политизированного этнического самосознания. Национализм и радикализация конфессиональной среды стали причиной резкого обострения межнациональных отношений в бывших советских республиках со второй половины 1980-х годов [3]. Весной 1986 года произошли первые беспорядки на этнополитической почве в Якутии, а в декабре этого же года – в Алма-Ате. Затем последовала серия демонстраций крымских татар в городах Узбекистана, в Москве на Красной площади. Зона эскалации этнических конфликтов постоянно расширялась на пространстве бывшего Советского Союза, захватив Сумгаит, Фергану, Ош, Закавказье, Приднестровье, Крым, Поволжье, Северный Кавказ.

Задачей географов должна стать скрупулезная аналитическая работа по выявлению региональных особенностей возникновения очагов межнациональной напряженности. В условиях активных миграционных перемещений населения южных республик бывшего Советского Союза по территории стран СНГ и современной России социокультурная конфликтность нередко приобретает характер криминальных «разборок» между «титовыми» и «нетитовыми» этническими группами.

Целью статьи стало рассмотрение факторов и механизма возникновения очагов межнациональной напряженности в пределах различных российских регионов для дальнейшей типизации этого пространственного процесса.

В современном мире процесс территориального расширения межэтнической напряженности является общемировой тенденцией [4, с. 349]. Приоритет в ее изучении остается за политологами, психологами и социологами. Отечественные представители этих отраслей знания [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12] достаточно полно описали причинно-следственные связи межэтнической напряженности, ее структуру и типы в современной России. В работах упомянутых авторов межэтническая напряженность представлена как социально-психологическая характеристика массового негативного этнического самочувствия, источник которого разные этносы находят в поведении «иных» этносов или этнических групп. Факторами появления межэтнической напряженности являются, по мнению

ПРИЧИНЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЁННОСТИ В РЕГИОНАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

отечественных исследователей, социальное неравенство, этнические предрассудки и стереотипы, этнодемографические дисбалансы, неконтролируемая миграция. Чаще всего межэтническая напряженность локализуется на уровне регионов внутри страны. В разных регионах межэтническая напряженность имеет специфический характер, поскольку зависит от совокупного действия конфигурации факторов.

Российские географы обратились к проблематике изучения межэтнической напряженности в конце 1990-х годов. Работы Колосова В. А. [13; 14; 15], МIRONЕНКО Н. С., ДЕНИСЕНЦЕВА А. С. [16], Стрелецкого В. Н. [17], Туровского Р. Ф. [18] сформировали теоретический каркас геоэтноконфликтологии, в которой межэтническая напряженность и конфликтность анализировались с позиций пространственных факторов (географического положения региона по отношению к государственным границам и спорным территориям, миграционным потокам, местам приложения высокооплачиваемого труда, региональной системе расселения, путям сообщения и др.).

В зарубежной политологии, преимущественно североамериканской, ко второй половине XX в. был накоплен достаточный банк данных для изучения межэтнической напряженности и конфликтов. Одним из популярнейших исследований в этой сфере стала книга Дональда Хоровица «Этнические группы в конфликте» [19]. В этом издании впервые представлен алгоритм возникновения этнического конфликта и введено понятие «политизации групп раскола», которые возникают в этнических коллективах под влиянием различных ценностных установок. Проблема этнического конфликта приобретала в трактовке Хоровица Д. социокультурный характер. Причина этнического раскола определялась как результат противоборства людей, имеющих различия в системе ценностей. Ценностная мотивация этнического конфликта была расширена Льюисом Кризбергом, который предлагал считать конфликтом «любое отношение между двумя и более сторонами, которые уверены в том, что имеют несовместимые цели» [20, с. 17].

Сложность и комплексный характер феномена социокультурной конфликтности и ее динамического аспекта – межэтнической напряженности – предполагают объединение усилий исследователей различных областей знания.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Базовым способом изучения территориальных особенностей возникновения межэтнической напряженности в российских регионах является мониторинг противоречий, возникающих в региональных сообществах и зафиксированных в средствах массовой информации (СМИ).

В процессе мониторинга следует определить центры возникновения межэтнической напряженности и причины, порождающие ее.

Среди множества причин, порождающих центры межэтнической напряженности, нам представляется наиболее актуальной для современного исторического периода развития российского государства – миграционная

активность на пространстве СНГ. Если Западная Европа оказалась под натиском мигрантов из стран Ближнего Востока, Северной Африки, Юго-Восточной Азии, то Россия уже несколько десятилетий принимает в экономически привлекательные регионы – Москву, Санкт-Петербург, Краснодар, Ростов-на-Дону, Поволжье, Ханты-Мансийский (ХМАО) и Ямало-Ненецкий (ЯНАО) автономные округа – мигрантов из Средней Азии и Северного Кавказа.

Предположение о прямом влиянии миграционных процессов на межэтнические отношения в российских регионах высказано в работе Крестьяновой Л. С. [21]. Этот автор доказала на основании проведенных социологических исследований гипотезу о том, что межэтнические отношения в регионах России складываются в настоящее время по двум типам: между традиционными для региона этническими общностями и общностями, образованными мигрантами последних лет. Эти взаимоотношения принципиально различны. Для «традиционных» этнических общностей роль этничности ослабевает, для них актуальны гражданская, региональная идентичность, формирование надэтнических интегративных образов, что приводит к ослаблению межэтнической напряженности. Для межэтнических отношений между «традиционными» для региона этническими группами и «мигрантами последних лет» сильны этнокультурные границы, актуальна этничность, напряженность в межэтнических отношениях. Мигрантов нередко воспринимают негативно, их образ жизни и поведение кажется коренному населению неприемлемым. В общественной жизни российских регионов происходит организация общественных движений, манифестирующих резко отрицательное, граничащее с шовинизмом и ксенофобией, отношение к мигрантам.

Нами проведено картографическое сопоставление маршрутов передвижения мигрантов из южных республик бывшего Советского Союза с населенными пунктами, где российские СМИ отмечали появление праворадикальных, в том числе русских националистических, движений (Рис. 1). Катализатором формирования идеологии политического радикализма служат национальные противоречия.

Праворадикальные движения и массовые акции протестов на этнической основе, организованные или проведенные с участием этих движений в различных регионах России, стали пространственными маркерами межэтнической напряженности. По неофициальным данным, приведенным Плихун Я. В. в автореферате диссертационной работы, в России к 2015 году действовало 250 праворадикальных организаций экстремистского характера в 85 городах [22, с. 17]. Сравнив местоположение центров праворадикальной активности с картосхемами рейтингов межэтнической напряженности, составленных редакцией федеральной экспертной сети «Клуб регионов» в 2013–2014 годах [23, 24], мы получили пространственный рисунок прямой зависимости возникновения центров межэтнической напряженности от маршрутов следования мигрантов с Кавказа и Средней Азии.

Таким образом, методический алгоритм выявления центров межэтнической напряженности в российских регионах сведен в нашей работе к аналитике картографических моделей миграционной и протестной активности населения.

ПРИЧИНЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЁННОСТИ В РЕГИОНАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАПРЯЖЁННОСТИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Пространство межнациональной напряженности в современной России – понятие динамичное. На него оказывают влияние внутренние и внешние (общегосударственные) факторы. Анализ межнациональных отношений, проведенный «Клубом регионов» в 2013–2014 годах, определил исходный тренд их дальнейшего изучения.

Внешний тренд межнациональных отношений в российских регионах определяют в настоящее время два фокуса: события на Украине и воссоединение Крыма с Российской Федерацией. Русофобская позиция политической элиты Украины способствует консолидации российских этнических групп вокруг проблемы защиты интересов России в отношениях с украинским государством и консолидированным Западом, стоящим за большинством политико-экономических процессов, развернувшихся в этой стране. Это подтверждают исследования Центра изучения национальных конфликтов (ЦИНК). По результатам исследований Центра, за шесть месяцев 2014 года уровень национальной вражды снизился в целом по России на 35 % [24].

В начале 2014 года консолидирующее влияние на поведение этнических групп в регионах России имели события «Крымской весны». Воссоединение Крыма с Российской Федерацией было воспринято различными народами России как победа государства, продемонстрировавшего способность отстаивать свои геополитические интересы и решать проблемы возврата несправедливо утраченных территорий. В настоящее время бренд «Крымская весна» теряет свой эмоциональный накал и постепенно превращается в дискуссионную площадку на тему: «Во что нам обойдется Крым?» По мнению Зубаревич Н. В., крымские события – это создание «территории собеса», возвращение «воздуха империи», заключение нового контракта между властью и гражданами: «ваша безопасность, наше вставание с колен, Россия супердержава в обмен на затягивание поясов» [25]. Можно предположить, что ирония некоторых СМИ и «экспертов» по крымскому вопросу, придающих уничижительное наполнение слогану: «Крым – наш!», может служить своеобразным маркером завершения эйфорического этапа вхождения Республики Крым в российское полиэтническое сообщество.

Среди внутренних причин изменения пространственного рисунка межнациональной напряженности в российских регионах мы считаем наиболее важной наличие нерегулируемых внутренних миграций. Этот вид перемещений населения достаточно полно проявляет различия регионов по уровню экономического развития и особенностям экономико-географического положения.

Так, Москва занимает в различных рейтингах субъектов федерации первые места по уровню социально-экономического развития.

Рис. 1. Коридоры внутрироссийской иноэтничной миграции (разработали Кишкун В. Ю., Швец А. Б., 2017).

ПРИЧИНЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЁННОСТИ В РЕГИОНАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Соответственно московский мегаполис стал главным центром притяжения внутрироссийских мигрантов. Мукомель В. И. считает, что жители мегаполиса, а затем и Московской области, столкнувшись с массовой миграцией, испытывают постоянный психологический дискомфорт от проникновения в их мир чуждых культур, необходимости подстраиваться под быстро меняющийся социум [26]. Этот исследователь приводит результаты собственных обследований оценки состояния межнациональных отношений в нескольких регионах России и отмечает, что наименее благоприятны они в Москве и Московской области. Здесь самый высокий удельный вес местных жителей, оценивающих отношение к приезжим, особенно выходцам с Северного Кавказа, как напряженные или на грани открытых столкновений.

Именно в Москве за последнее десятилетие произошло максимальное количество массовых силовых акций протеста, имеющих этническую окраску. Из произошедшего следует акцентировать внимание на беспорядках 2010 года на Манежной площади и в Бирюлево Западном 2013 года. В первом случае бунт спровоцирован убийством болельщика «Спартака» группой выходцев из Северного Кавказа. Протестная акция собрала порядка 50 тыс. человек и повлекла за собой массовые акции поддержки практически во всех городах центральной России и даже в украинском Донецке.

Погромы в Бирюлево Западном 2013 года спровоцированы, как и в первом случае, убийством местного жителя выходцем с Северного Кавказа. Первые дни после убийства несколько десятков граждан приходило в районный отдел полиции с требованием о немедленном расследовании. Обсуждались вопросы создания народных дружин для патрулирования микрорайона. Однако полицейским не удалось избежать беспорядков и столкновений между жителями Бирюлево и мигрантами. Участниками протестной акции была разгромлена овощебаза, где полицейские задержали более 1,2 тысяч человек, из которых порядка 200 были нелегальными мигрантами. Там же правоохранители нашли травматическое оружие и несколько миллионов рублей.

Протестные акции, подобные описанным выше, имели место в различных регионах современной России. Их объединяет динамизм, быстрая мобилизация сторонников, отстаивание идеи «справедливого возмездия» обидчикам. Каждый случай усиления межэтнической напряженности в ходе подобных акций ставит регион и страну в целом на грань гражданского противостояния.

Важно понять, что искать причины появления межнациональной напряженности только в русском национализме, направленном якобы против мигрантов, – бесцельное занятие. Русский национализм является лишь следствием нерешенных в регионе экономических, политических, социальных и демографических проблем, усиленных присутствием мигрантов. Причем эти проблемы видятся по-разному автохтонным населением региона и теми этническими группами, которые приехали в постсоветский период.

Автохтонное население в качестве основной причины усиления межнациональной напряженности чаще указывает на некорректность действий мигрантов, их нежелание принимать социокультурные нормы поведения местных

жителей, а также наличие двойных стандартов власти в отношении правовой оценки поведения выходцев с Кавказа и Средней Азии [9; 22]. Чаще всего примером двойных стандартов правовой оценки действий мигрантов-южан местные жители российских регионов считают вынесение судебными органами решений о том, что избиение иммигранта славянами – это проявление русского фашизма, а изнасилования или убийства славян выходцами с Кавказа и Средней Азии – бытовые преступления.

Представители же мигрантов считают, что на противоправное поведение их провоцируют действия СМИ и политиков, результатом которых является формирование в массовом сознании населения образа выходцев с Кавказа и Средней Азии как лиц с заведомо присущим деструктивным стилем поведения. Срабатывает внутригрупповая солидарность, и большая часть сообщества мигрантов начинает рассматривать себя как «пострадавшую сторону» в конфликте с необходимостью агрессивной защиты.

Анализируя пространственный рисунок конфликтного поведения автохтонного населения российских регионов и мигрантов из республик Кавказа и Средней Азии, мы выявили совпадение пространственных *коридоров*, по которым происходит перемещение мигрантов из южных регионов бывшего Советского Союза в глубинные территории России, с *центрами* и *ареалами межнациональной напряженности* (Табл. 1). В современной России, по нашему мнению, сформированы три коридора слабо контролируемой внутренней миграции: *Кавказско-Поволжский*; *Урало-Сибирский* и *Столичный*.

Кавказско-Поволжский коридор имеет продолжение в Москву и Санкт-Петербург, а Урало-Сибирский – в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа Тюменской области.

Центры межнациональной напряженности пространственно совпадают с перечисленными выше миграционными коридорами, образуя своеобразные фокусы концентрации мигрантов. Эти центры представлены крупно- и среднегородскими поселениями.

К ареалам сохраняющейся межэтнической напряженности можно отнести пространственную связку *Дагестан – Ставропольский край*, а также территории *Ханты-Мансийского* и *Ямало-Ненецкого автономных округов*.

Дагестан – Ставрополье – это в настоящее время наиболее конфликтогенная территориальная связка в России. Республика Дагестан – самая многонациональная территория Российской Федерации с одним из самых дотационных в стране бюджетов. Непосредственная близость Дагестана к высокоразвитому экономически Ставрополью обуславливает массовый отток из республики различных этнических групп мигрантов, преимущественно вынужденных. «В настоящее время Ставрополье занимает первое место среди регионов России по числу находящихся на территории вынужденных мигрантов» [27, с. 104]. Эксперты «Клуба регионов» отмечают, что территорию Ставрополья активно осваивают дагестанские бизнесмены, которые располагают гораздо более широкими финансовыми возможностями, по сравнению с местным бизнесом. Это вызывает неприязнь и агрессивные настроения среди местного населения, в том числе русского,

ПРИЧИНЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЁННОСТИ В РЕГИОНАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

численность которого сокращается. Таким образом, усиление межэтнической напряженности в территориальной связке Дагестан – Ставрополье имеет шанс углубления и дополнения трансформацией конфессиональной структуры населения. Ставрополье активно исламизируется.

Таблица 1.

Географическая структура иноэтничной миграции в Российскую Федерацию
(по материалам Рейтинга межнациональной напряженности в регионах России
2013–2014 гг.). Составлено авторами

Регион эмиграции населения	Регион иммиграции населения	Миграционный коридор
Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Северо-Кавказские республики, Армения, Дагестан	Екатеринбург, Казань, Челябинск, Москва, Санкт-Петербург	Столичный
Северокавказские республики, Армения, Дагестан	Ставропольский край, Краснодарский край, Астрахань, Волгоград, Ростов-на-Дону, Саратов, Самара, Казань, Нижний Новгород	Кавказско-Поволжский
Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Северокавказские республики	Тюмень, Ханты-Мансийск, Салехард, Новосибирск, Челябинск	Урало-Сибирский

Ханты-Мансийский – Югра и Ямало-Ненецкий автономные округа – геополитически важный для российского государства регион, формирующий становой хребет нефте- и газопромышленного комплекса современной России. Югра занимает первое место среди российских регионов по величине разведанных запасов и добыче нефти. Этот район, начиная с 1960-х годов, активно осваивался представителями разных национальностей. Сюда «прибывали специалисты и рабочие из всех регионов Советского Союза, но более всего – из регионов с уже развитой отраслью нефтегазодобычи: Азербайджана, Татарии, Башкирии, Чечено-Ингушетии, Западной Украины» [9, с. 100]. Этнические миграции сокращали в Югре долю представителей славянской группы и увеличивали долю тюркской группы народов. В условиях общей для всех регионов Советского Союза идеологии межэтнические отношения в Югре оставались стабильно дружественными, о чем свидетельствовала широкая распространенность национально-смешанных браков.

После развала Советского Союза в экономически востребованную Югру усилилась миграция некоренного для округа нерусского населения. Продолжилось сокращение численности русских. Увеличение доли мигрантов из республик Средней Азии и Северного Кавказа отрицательно сказалось на оценках местных

жителей в ходе массовых и экспертных опросов о состоянии межэтнических отношений. В 2013 году 61 % коренных жителей Югры указали на ухудшение межэтнических отношений [9]. Это в два раза больше, по сравнению с 2008 годом, когда Югра так же, как и другие регионы России, ощутила последствия мирового экономического кризиса. Приток этнических мигрантов в экономически привлекательный автономный округ начал приносить свои «плоды». В регионе обострились негативные социальные явления: употребление и оборот наркотиков, нелегальный бизнес, эксцессы криминального поведения, подобные изнасилованию русских девушек выходцами с Кавказа в ханты-мансийском кафе «Ной» в феврале 2013 года. После этого криминального эксцесса и очень незначительного наказания за него со стороны правоохранительных органов местные жители сожгли злополучное кафе. Тенденция обострения межнациональных отношений в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре по принципу «око за око» приобретает, по мнению экспертов «Клуба регионов», постоянный характер, превращая Югру в «пороховую бочку» России [24].

В 2014 году пеструю картину межэтнических процессов России дополнил Крым. Исторически многонациональный полуостров явился родиной для многих народов: в частности, русских, украинцев, крымских татар, греков, армян, болгар и немцев. На протяжении 23-летнего периода вхождения Крыма в административно-правовое поле Украины на полуострове происходили два этнополитических процесса: возвращение народов, подвергнувшихся депортации в 1940-х годах, и интеграция в крымское региональное сообщество самого многочисленного из депортированных народов – крымских татар. Оба процесса проходили нередко конфронтационно, принимая характер межэтнического конфликта между русским и крымско-татарским населением Крыма. Сказывалась историческая обида на политику депортации, стремление вернуться не просто на родину предков, а именно в то место, откуда крымско-татарская семья высылалась, что порождало массовые внутрикрымские перемещения из степных в приморские регионы. Поле психологического напряжения между крымскими татарами и русскими в Крыму усиливалось действиями политиков, в частности запрещенным в настоящее время межлисом крымско-татарского народа. Этот исполнительный орган народного собрания крымских татар – Курултая – юридически не был зарегистрирован украинской властью, но его представительства были в каждой административной единице Крыма, а лидеры межлиса входили в Совет старейшин при Президенте Украины. Межлис стал органом этнической мобилизации крымских татар, поскольку смыслом его существования стало исполнение Декларации о национальном суверенитете крымско-татарского народа, принятой на II Курултае крымских татар в 1991 году. В этом документе указывалось: «Крым является национальной территорией крымскотатарского народа, на которой только он обладает правом на самоопределение так, как оно изложено в международных правовых актах, признанных мировым сообществом. Политическое, экономическое, духовное и культурное возрождение крымскотатарского народа возможно только в его суверенном национальном государстве. К этой цели будет стремиться

ПРИЧИНЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЁННОСТИ В РЕГИОНАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

крымскотатарский народ, используя все средства, предусмотренные международным правом» [29].

Пик напряженности между русским и крымско-татарским населением Крыма пришелся на конец февраля 2014 года, когда у здания Верховной Рады автономной республики начались столкновения между проукраинскими активистами – сторонниками меджлиса – и пророссийски настроенными жителями полуострова. В ходе столкновений погибло два человека, несколько десятков получило травмы. На следующий день начались события «Крымской весны», которые уберегли Крым от «горячего» межэтнического конфликта, но не устранили риск политизации этничности русского и крымско-татарского населения. К концу 2014 года общее количество противоречий, которые имели межэтнический характер, выросло на полуострове, по нашим подсчетам, до 56 случаев, что в пять раз превысило число аналогичных проявлений конфликтности в 2011 году, ставшем маркером резкого увеличения межэтнической напряженности в Крыму [30].

В настоящее время полиэтнический Крым интегрируется в российское политическое пространство. Заметно уменьшилось количество зафиксированных СМИ противоречий, имеющих этническую окраску. Влияние меджлиса вынесено за пределы Республики Крым. В течение 2014–2017 гг. для крымских татар наступило время выбора. Антироссийский проект, который они под руководством меджлиса формировали все годы вхождения Крыма в украинское правовое пространство, стал нежизнеспособным. Следовательно, идентичность «коренного» народа, которую пропагандировал в этом проекте меджлис, сложно вернуть в многонациональный российский Крым, где депортированные народы реабилитированы Указом Президента Российской Федерации.

Вместе с тем традиция прислушиваться к мнению лидеров изгнанного из Крыма меджлиса сохранилась в крымско-татарской среде. Меджлис приобрел с помощью украинских СМИ характер крымско-татарского «правительства в изгнании». Его руководство активно формирует образ России, разделившей татар на тех, кто остался в Крыму и позиционируется меджлисом как пособник «оккупантов», и на «правильных» татар, покинувших полуостров или отказывающихся сотрудничать с российской властью. Закладывается детонатор внутриэтнической напряженности. Внутриэтнический раскол будет нарастать и может дополниться межэтническим, если проблемы обустройства крымских татар, наделения их землей, сохранения их культурного наследия будут осознаваться российской и крымской властью как сугубо крымско-татарские, не затрагивающие интересов других народов полуострова.

ВЫВОДЫ

Межэтнические отношения в многонациональном государстве – один из важнейших факторов его предсказуемого развития. Изучение пространственного аспекта межэтнических отношений в современной России предполагает выявление таких причин их обострения, которые учитывают комплекс направлений. Для обширной страны важно понимать особенности регионального развития, влияющие

на формирование межэтнической напряженности. Среди множества причин, формирующих межэтническую напряженность в современных российских регионах, важнейшей стала постсоветская этническая миграция из «южных республик» бывшего Советского Союза в «обеспеченный Север» новой России. Мигранты меняют образ жизни «коренного» населения, слабо интегрируясь в него сами. Этот процесс создает предпосылки формирования межэтнической напряженности и конфликтов. В Российской Федерации сформированы как минимум три пространственных коридора, по которым этнические мигранты попадают на территорию России. В этих пространственных коридорах возникают центры и ареалы межэтнической напряженности, которые необходимо учитывать как ядра формирования радикальных националистических организаций.

Данная статья является результатом участия авторов в сети академической мобильности «ГИС-Ландшафт – Технологии и методики формирования геопорталов современных ландшафтов регионов», реализуемой в рамках Программы развития Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.

Список литературы

1. Багров Н. В. География в информационном мире. К.: Лыбидь, 2005. 182 с.
2. Багров Н. В. География информационного общества: отклик на вызов эпохи // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2007. Вып. 2. С. 5–8.
3. Этнополитические конфликты: типы и формы проявления, региональные особенности. Экспертиза. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gumilev-center.ru/ehtnopoliticheskie-konflikty-tipy-i-formy-proyavleniya-regionalnye-osobennosti/>.
4. Платонов Ю. П. Народы мира в зеркале геополитики. СПб.: Изд-во С.- Петерб. гос. ун-та, 2000. 432 с.
5. Арутюнян Ю. В. Об этнических компонентах российской идентичности // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 42–43.
6. Дробижева Л. М. Этнические конфликты // Круглый стол журнала «ПОЛИС». Социальные конфликты в меняющемся российском обществе (детерминация, развитие, разрешение) // Полис. 1994. № 2. С. 98–109.
7. Здравомыслов А. Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М.: Аспект Пресс, 1999. 286 с.
8. Золян С. Т. Описание регионального конфликта как методологическая проблема // Полис. Политические исследования. 1994. № 2. С. 131.
9. Мархинин В. В., Удалова И. В. Факторы и характер межэтнической напряженности в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре // Вестник НГУ, Сер. Философия. 2011. Т. 9. № 3. С. 99–106.
10. Паин Э. А., Попов А. А. Межнациональные конфликты в СССР (некоторые подходы к изучению и практическому решению) // Этнографическое обозрение. 1990. № 1. С. 3–15.
11. Тишков В. А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 3–21.
12. Тишков В. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. 532 с.
13. Колосов В. А., Трейвиш А. И. Этнические ареалы современной России: сравнительный анализ риска национальных конфликтов // Полис. Политические исследования. 1996. № 2. С. 47.

ПРИЧИНЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЁННОСТИ В РЕГИОНАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

14. Колосов В., Заяц Д. Приднестровский конфликт: сражение идентичностей. Урегулирование будет долгим и трудным // Официальный сайт «Независимой газеты». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cis.ng.ru/opinions/2000-11-29/5_konflikt.html.
15. Колосов В. А., О'Локлин Д. Социально-территориальная динамика и этнические отношения на Северном Кавказе // Полис. Политические исследования. 2008. № 4. С. 27.
16. Мироненко Н. С., Денисенцев А. С. О политической геоконфликтологии как области географического знания // Проблемы геоконфликтологии. В 2 т. Т. 1. / Под ред. Н. С. Мироненко. М.: Пресс-Соло. 2004. С. 12–24.
17. Стрелецкий В. Н. Этнотерриториальные конфликты: сущность, генезис, типы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М.: [б. и], 1997. С. 225–249.
18. Туровский Р. Ф. Территориальное распространение этносоциального конфликта // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1992. № 2. С. 89–95.
19. Horowitz D. L. Ethnic Groups in Conflict. Berkley, Calif.: University of California Press, 1985. 711 p.
20. Kriesberg L. Sociology of Social Conflict. Englewood. NJ: Prentice-Hall. 1977. P. 17–18.
21. Крестьянова Л. С. Межэтнические отношения и миграционные процессы на региональном уровне: проблемы и основные тенденции развития // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 3. С. 815–825.
22. Плихун Я. В. Причины возникновения и деятельность праворадикальных организаций России постсоветского периода: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Омск: ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», 2015. 22 с.
23. Рейтинг межнациональной напряженности в регионах России. Осень 2013 – весна 2014 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/>.
24. Рейтинг межнациональной напряженности в регионах России. Весна – осень 2014 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/02/>.
25. Адаптировалась и лежит. Наталья Зубаревич о происходящем в российской экономике [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.trust.ua/news/126138-adaptirovalas-i-lezhit-natalya-zubarevich-o-proishodyaschem-v-rossijskoj-ekonomike.html>.
26. Мукомель В. И. Проблемы интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 69–79.
27. Щербакова А. В. Современные миграционные процессы в Ставропольском крае и их влияние на социально-экономическую обстановку // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2012. Вып. 3. С. 103–106.
28. Ставрополье превращается в Косово: конфликты русских и мигрантов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mk.ru/social/2013/04/11/839978-stavropole-prevraschaetsya-v-kosovo-konfliktyi-russkih-i-migrantov.html> (31.05.2017).
29. Декларация о национальном суверенитете крымско-татарского народа // Документы Курултая татар Крыма (26–30 июня 1991 г.). № 45–54. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kro-krim.narod.ru/LITERAT/TATARI/tatdekl.htm>.
30. Шве́ц А. Б., Яковлев А. Н., Вольхин Д. А. Социокультурные риски развития Крыма: пространственный анализ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2015. Т. 1 (67). № 4. С. 27–36.

CAUSES OF INTERETHNIC TENSION IN THE REGIONS OF CONTEMPORARY RUSSIA

Shvets A. B., Kishkun V. Yu.

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation
E-mail: fusion10@mail.ru*

In the modern world the process of territorial expansion of interethnic tension is a global tendency. The article presents the analysis of the causes and factors that give rise to interethnic tension in the regions of contemporary Russia. Among a multitude of causes that bring about interethnic tension the most topical for the current period of the Russian state development is migration activity in the former Soviet Union. The article puts forward a supposition that there is a dependence between the spatial location of the corridors of ethnic migration to Russia and the appearance of interethnic tension centres and areas within them. The basic way to study the territorial peculiarities of interethnic tension appearance in the Russian regions is monitoring the contradictions fixed in mass media. The results of a wide regional rating of interethnic tension made by *The Regions' Club* in 2013–2014 have been analyzed. A skeleton map has been drawn, which allowed to determine three spatial corridors of migrants' penetration from the republics of the Northern Caucasia and Central Asia to the deep-laid territories of the Russian Federation: Capital, Caucasian and Volga region, the Urals and Siberia. Each corridor has centres of interethnic tension represented by big cities (Stavropol, Volgograd, Kazan, Chelyabinsk, etc.). The area of interethnic tension in Russia is the Khanty-Mansijsk Autonomous District – Yugra where the natives of «the South» rush in search of high income at the oilfields of Siberia. The peculiarities of Russia's migration corridors are mentioned: they are oriented towards the capital cities (Moscow, St. Petersburg), the territories of raw material districts, industrial production centres. Within the migration corridors there emerge urban settlements with ultra-right ideology directed against ethnic migrants. Amidst ethnic migrants there appear criminal forms of behaviour aimed at the opposition and revenge on the local residents who put up resistance against the migrants' nontraditional way of life. Interethnic tension is manifested in conflicts between the «traditional» population groups, formed in the regions, and those who came to the region after the collapse of the Soviet Union. The events in Crimea became a special case of ethnic tension. Early in 2014 the events of «the Crimean spring» had a consolidating influence upon the behaviour of ethnic groups in Russia's regions. Crimea's reunification with the Russian Federation was considered by various Russia's peoples as a victory of the state that had demonstrated its ability to assert its geopolitical interests and solve the problems of restitution of unfairly lost territories. Nowadays the brand «the Crimean spring» is losing its nerve-strain and is gradually turning into a discussion platform with the topic: «How much will Crimea cost us?»

Keywords: interethnic tension, conflict, Russia.

References

1. Bagrov N. V. Geografija v informacionnom mire (Geography in the information world). Kyev: Lybid'(Publ.), 2005, 182 p. (in Russian).
2. Bagrov N. V. Geografija informacionnogo obshhestva: otklik na vyzov epohi (Geography of the information society: a response to the challenge of the era). Geopolitika i ekogeodinamika regionov, 2007, V. 2, pp. 5–8 (in Russian).
3. Etnopoliticheskie konflikty: tipy i formy projavlenija, regional'nye osobennosti. Ekspertiza (Ethnopolitical conflicts: types and forms of government, regional peculiarities. Examination). [Electronic resource]. URL: <http://www.gumilev-center.ru/etnopoliticheskie-konflikty-tipy-i-formy-projavleniya-regionalnye-osobennosti/> (in Russian).

ПРИЧИНЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЁННОСТИ В РЕГИОНАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

4. Platonov Y. P. Narody mira v zerkale geopolitiki (The nations of the world in the mirror of geopolitics). SPb.:Izd-vo S.- Peterb. gos. un-ta (Publ.), 2000, 432 p. (in Russian).
5. Arutjunjan Y. V. Ob jetnicheskikh komponentah rossijskoj identichnosti (About the ethnic components of Russian identity).Sociologicheskieissledovanija, 2009, no. 6, pp. 42–43 (in Russian).
6. Drobizheva L. M. Etnicheskie konflikty (Ethnic conflicts). Kruglyj stol zhurnala «POLIS». Social'nye konflikty v menjajushhemsja rossijskom obshhestve (determinacija, razvitie, razreshenie). Polis, 1994, no. 2, pp. 98–109 (in Russian).
7. Zdravomyslov A. G. Mezhnacional'nye konflikty v postsovetском prostranstve (Ethnic conflicts in the post-Soviet space). Moscow: Aspekt Press (Publ.), 1999, 286 p. (in Russian).
8. Zoljan S. T. Opisanie regional'nogo konflikta kak metodologicheskaja problema (Description of a regional conflict as a methodological problem). Polis. Politicheskie issledovanija, 1994, no. 2, p. 131 (in Russian).
9. Marhinin V. V., Udalova I. V. Faktory i harakter mezhetniceskoj naprjazhennosti v Hantymansijskom avtonomnom okruge–Jugre (Factors and the nature of inter-ethnic tension in the Khanty-Mansi Autonomous district-Yugra) .Vestnik NGU, ser. Filosofija, 2011, T. 9, no. 3,pp. 99–106 (in Russian).
10. Pain Je. A., Popov A. A. Mezhnacional'nye konflikty v SSSR (nekotorye podhody k izucheniju i prakticheskomu resheniju) (Ethnic conflicts in the USSR (some approaches to the study and practical solution)). Etnograficheskoe obozrenie, 1990, no. 1, pp.3–15 (in Russian).
11. Tishkov V. A. O fenomene etnichnosti (The phenomenon of ethnicity) .Etnograficheskoe obozrenie,1997, no. 3, pp. 3–21 (in Russian).
12. Tishkov V. Ocherki teorii i politikij etnichnosti v Rossii (Essays on the theory and policy of ethnicity in Russia). Moscow: Russkij mir (Publ.), 1997, 532 p. (in Russian).
13. Kolosov V. A., Trejvish A. I. Etnicheskie arealy sovremennoj Rossii: sravnitel'nyj analiz riska nacional'nyh konfliktov (Ethnic areas of modern Russia: comparative analysis of the risk of ethnic conflicts).Polis. Politicheskie issledovanija, 1996, no. 2, p. 47 (in Russian).
14. Kolosov V., Zajac D. Pridnestrovskij konflikt: srazhenie identichnostej. Uregulirovanie budet dolgim i trudnym (Transnistrian conflict: a battle of identities. The settlement will be long and difficult). Oficial'nyj sajt «Nezavisimoj gazety».[Electronic resource]. URL:http://cis.ng.ru/opinions/2000-11-29/5_konflikt.html (in Russian).
15. Kolosov V. A., O'Loklin D. Social'no-territorial'naja dinamika i etnicheskie otnoshenija na Severnom Kavkaze (Socio-territorial dynamics and ethnic relations in the North Caucasus). Polis. Politicheskie issledovanija, 2008, no. 4, pp. 27 (in Russian).
16. Mironenko N. S., Denisencev A. S. O politicheskoj geokonfliktologii kak oblasti geograficheskogo znanija (On the political geoconflictology as areas of geographic knowledge). Problemy geokonfliktologii. V 2 t. / Pod red. N. S. Mironenko. Moscow: Press-Solo, 2004, T. 1, pp. 12–24 (in Russian).
17. Streleckij V. N. Etnoterritorial'nye konflikty: sushhnost', genezis, tipy (Ethno-political conflicts: essence, genesis, types). Identichnost' i konflikt v postsovetских gosudarstvah. Moscow: [b.i.] (Publ.), 1997, pp. 225–249 (in Russian).
18. Turovskij R.F. Territorial'noe rasprostraneniej etnosocial'nogokonflikta (The spatial distribution of ethno-social conflict) .Vestn. Mosk.un-ta. Ser. 5.Geografija, 1992, no 2, pp. 89–95 (in Russian).
19. Horowitz D.L. Ethnic Groups in Conflict. – Berkley, Calif.: University of California Press (Publ.), 1985, 711 p. (in English).
20. Kriesberg L. Sociology of Social Conflict. Englewood. NJ: Prentice-Hall (Publ.), 1977, pp.17-18 (in English).
- 21.Krest'janova L. S. Mezhetniceskie otnoshenija i migracionnye process nar egional'nom urovne: problemy i osnovnye tendencii razvitija (Inter-ethnic relations and migration processes at the regional level: problems and main trends in the development) .Ekonomika regiona, 2016, T. 12, v. 3, pp. 815–825 (in Russian).
22. Plihun Ja. V. Prichiny vozniknovenija i dejatel'nost' pravoradikal'nyh organizacij Rossii postsovetского perioda (The causes and activities of right-wing organizations of Russia post-Soviet period): Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. Omsk : FGBOU VPO «Omskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet (Publ.), 2015, 22 p. (in Russian).

23. Rejting mezhnacional'noj naprjazhennosti v regionah Rossii. Osen' 2013 – vesna 2014 goda (The rating of ethnic tensions in the regions of Russia. Autumn 2013 - spring 2014). [Electronic resours]. URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/> (01.05.2017) (in Russian).
24. Rejting mezhnacional'noj naprjazhennosti v regionahRossii. Vesna–osen' 2014 goda (The rating of ethnic tensions in the regions of Russia.Spring-autumn 2014). [Electronic resours]. URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/02/> (in Russian).
25. Adaptirovalas' i lezhit. Natal'ja Zubarevich o proishodjashhem v rossijskojj ekonomike (Adapted and lies. Natalia Zubarevich about what is happening in the Russian economy). [Electronic resours]. URL: <http://www.trust.ua/news/126138-adaptirovalas-i-lezhit-natalya-zubarevich-o-proishodyaschem-v-rossijskoj-ekonomike.html> (8.08.2017 g.) (in Russian).
26. Mukomel' V. I. Problemy integracii vnutrirossijskih inoetnichnyh migrantov (Problems of integration of domestic migrants) .Sociologicheskie issledovanija, 2016,no. 5,pp.69-79 (in Russian).
27. Sherbakova A. V. Sovremennye migracionnye processy v Stavropol'skom krae i ih vlijanie na social'no-ekonomicheskiju obstanovku (Modern migratory processes in the Stavropol territory and their influence on the socio-economic situation). Vestnik Adygejskogo gos. un-ta. Serija «Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija». 2012, V. 3, pp. 103–106 (in Russian).
28. Stavropol'e prevrashhaetsja v Kosovo: konflikty russkih i migrantov (Stavropol turns to the Kosovo conflict and Russian migrants). [Electronic resours].URL: <http://www.mk.ru/social/2013/04/11/839978-stavropole-prevraschaetsya-v-kosovo-konfliktyi-russkih-i-migrantov.html> (in Russian).
29. Deklaracija o nacional'nom suverenitete krymsko-tatarskogo naroda (The Declaration on the national sovereignty of the Crimean Tatar). DokumentyKurultajatatarKryma (26-30 ijunja 1991 g.). no. 45-54. [Elektronnyjresurs].URL: <http://kro-krim.narod.ru/LITERAT/TATARI/tatdecl.htm> (in Russian).
30. Shvec A. B., Jakovlev A. N., Vol'hin D. A. Sociokul'turnye riski razvitija Kryma: prostranstvennyj analiz (Socio-cultural risks of development of the Crimea: spatial analysis). Uchjonye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Geografija. Geologija, 2015, T. 1 (67), no. 4, pp. 27–36 (in Russian).

Поступила в редакцию 20.07.2017